

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

Курсы по восточному искусству читаются академиками: С. Ф. Ольденбургом (Искусство Индии), В. В. Бартольдом (Мусульманское искусство) и проф. П. А. Орбели (Искусство Кавказа). После отъезда из Петрограда проф. С. Г. Елисеева, курс дальневосточного искусства временно читал проф. А. И. Иванов и эпизодически (о китайских народных картинах) проф. В. М. Алексеев.

На факультете словесных искусств читали курсы: акад. И. Ю. Крачковский (арабская поэзия), проф. В. М. Алексеев (китайская поэтика), проф. А. А. Ромаскевич (персидская поэтика).

Востоковеды делали ряд докладов как специального, так и более общего характера. Таковы, например, доклады: акад. В. В. Бартольда: «Ориентировка первых мусульманских мечетей»; его же: «Башия Кабуса, как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры»; проф. В. В. Струве: «Эрмитажная стела Харемхеба»; проф. Н. Д. Флинтнер: «Стекольно-керамические мастерские Тель-Амарны»; проф. В. М. Алексеева: «Экзотика в искусстве» (из непонятых дальневосточных мотивов); «Китайский театр и китайский актер» (оба доклада с иллюстрациями); В. А. Николаевой: «Почитание царских статуй в Египте» и др. Некоторые из этих докладов печатаются в «Ежегоднике Института».

Дальневосточный Университет.

Существовавший до октябрьской революции во Владивостоке Восточный Институт был затем преобразован в Государственный Дальневосточный Университет с Восточным Факультетом в его составе. Согласно полученным выпискам, но относящимся к концу 1921 г. весьма неполным данным, преподавание востоковедения ведется в прежнем объеме; так, упоминаются отделения китайское, китайско-маньчжурское, маньчжуро-монгольское, но состав кафедр и программы приспособлены к университетским задачам. Востоковедение находится, повидимому, в руках старых деятелей. Положение университета, в особенности в финансовом отношении, тяжелое; тем не менее им издаются «Ученые записки историко-филологического факультета». Своего органа Восточный Факультет не имеет, в восточная типография не работает, но в особых «бюллетенях» университета печатались в конце 1921 г., между прочим, подробные программы Восточного факультета по отдельным кафедрам, что давно уже вышло из практики Петроградского университета. Наряду с университетом во Владивостоке существуют Политехнический и Педагогический Институты.

В. Котвич.

Институт восточных языков, основанный в 1918 г., преобразован в «Институт для внешних сношений», с двумя отделениями. По языку преподавания институт не украинизован. Преподаются языки арабский, персидский, турецкий и балканские: румынский, новогреческий, болгарский, сербский. Арабский язык читает Кезма, уроженец Назарета. Он же читает теперь турецкий язык. Кезма еще лет десять назад начал читать в университете восточную нумизматику; по заказу украинской академии наук перевел на русский язык путешествие патриарха Макария по рукописи, несколько отличающейся от переведенной Муркосом.

Персидская кафедра в институте считается вакантной; короткое время преподавал Мирза Джафар, Лозиев.

Балканские языки преподают: новогреческий — И. И. Соколов, румынский — Гроссу, болгарский — Дринов, сербский — Стоянович.

Лекции по истории, истории литературы и этнографии читают в институте университетские профессора, в том числе А. Е. Крымский попеременно один год — историю сасанидов, другой год — историю Турции.

А. Е. Крымскому поручена также созданная в Киеве исследовательная кафедра языковедения, с которой соединяется обучение аспирантов; среди них названы два будущих турколога — галичанин Демянчук и ученик Шахматова и Щербы Гапцов.

Киевская университетская библиотека обладает довольно большим числом книг по востоковедению, между прочим, полным комплектом журнала Английского-Азиатского Общества.

В богатой библиотеке (до 1.200.000 томов) украинской академии наук есть отдел Востока, преимущественно состоящий из еврейских книг и рукописей и находящийся в ведении профессора-гебраиста Иваничского. Мусульманские книги и рукописи систематически передаются в организованный А. Е. Крымским кабинет арабо-иранской филологии. Для этого в большом количестве покупались книги, в том числе книги из библиотеки покойного профессора Гиргаса (скончавшегося, как известно, в Киеве). Рукописей всего несколько десятков, большей частью вывезенных во время войны с турецкого фронта.

Лично А. Е. Крымский в истекшие годы мог спокойно работать. Им закончено много работ, и он выражает надежду, что эти работы не залежатся, «так как теперь открывается возможность напечатать». Сюда относятся:

1) начатая в Москве и законченная в Киеве большая работа (несколько сот страниц) о Хамасе Абу Теммама, диване хузейлитов и Kitab-al-Agani, на русском языке;

2) монографии о Хафизе и Джами; первые главы монографии о Хафизе сдааны в печать и появятся в украинских академических «записках ист.-фил. отд.»;

3) История Персии XVII в., главным образом по трудам европейских путешественников; рукопись отдана для перевода на русский язык и, может быть, появится по-русски раньше, чем по-украински;

4) История Персии IX—X вв., набрано 8 листов; изложение доведено до буидов; прервано в виду необходимости использовать для истории буидов VI тома истории «Ибн-Мискавейх», изданной в Англии, пока еще недоступной в Киеве.

Русское востоковедение за границей.

Русский японист, проф. С. Г. Елисеев, принимал участие в организации грандиозной выставки японского искусства, бывшей в Париже прошлой зимой. Как отличный знаток языка Японии и специалист по ее искусству, С. Г. был, вероятно, в высшей степени полезным организатором и каталогизатором выставки, и надо надеяться, что ее каталог, чуть ли не впервые составленный людьми, объединяющим в себе знание языка со знанием и пониманием искусства, составит эпоху в японологии. Остается ждать прибытия каталога.

С этой осени С. Г. Е. в Парижском Университете поручен курс «Роман Токугавского периода». Как лектор, он известен Парижу по лекциям в музее Гимэ, где он состоит каталогизатором.

Русский японолог О. В. Плетнер временно читал в Лондонском Институте Восточных Знаний (School of Oriental Studies) курс японской филологии. Журнал, издаваемый при этом Институте, принял к напечатанию его статью по японскому ударению.

Русский японист Н. А. Невский, занимающий сейчас место преподавателя русского языка в институте иностранных языков г. Осака, начиная с 1916 года ведет научную работу по собиранию материалов, касающихся этнографии Японии и по изучению их. Им, между прочим, записаны на севере Японии айские сказки. В своих письмах Н. А. жалуется на то, что ему не хватает аудитории, перед которой в том или ином виде он мог бы изложить результаты своих семилетних непрерывных работ.

Надо заметить, что, в то же время, Петроград, собирающий в себе лучшие востоковедные силы, доселе был совершенно лишен японологов.

Вышеупомянутый японист О. В. Плетнер, находящийся временно в Лондоне, приглашен в Японию для преподавания русского языка и введения в языковедение; оба курса на японском языке.

Китаеведение в Париже.

Из студенческого справочника о Парижской высшей школе (Université de Paris. Livret de l'étudiant. 1921—1922. Bureau des renseignements scientifiques à la Sorbonne) заимствуем данные, иллюстрирующие положение дела изучения Китая в Париже.

Первоклассное значение для китаеведов всего мира имеет (вернее, имел, ибо учебный год 1921—1922 закончился) курс профессора Пеллио «Древние китайские тексты, касающиеся проблемы Хунну и Гуннов». Профессор Пеллио известен своими исключительными по научной точности и научному объему трудами, и его деятельность на созданной в 1911 году кафедре «языков, истории и цивилизаций Средней Азии» привлекает внимание сиологов всего света, как явление, не имеющее параллели ни в одной из стран. Тема, трактованная им в прошлом году, особенно в связи с только что появившейся обширной монографией о Хунну-гуннах Берлинского академика Грота, будет, вероятнее всего, обработана им в печатном виде, и, может быть, доступна нам в Петрограде.

Ближайший преемник профессора Шаванна по кафедре, носившей устарелое название «Языков и литератур китайских и татаро-маньчжурских», профессор Масперо, заявивший себя целым рядом научных работ по исследованиям в области истории и лингвистики Китая и Индо-Китая, в истекшем году читал два курса. Первый из них: «Происхождение даосской религии», касается одной из самых темных, несмотря на обильную китайскую литературу по этой части, проблем даосизма. Принимая во внимание, что работы в этой области европейских сиологов вряд ли вышли из сферы любительского начинания, даже в виде переводов Лао-цзы (Даодэ цзин), многочисленных, но мелких, — можно себе представить, что даст пытлиное исследование такого знатока и экспериментатора китайских сборных текстов, как проф. Масперо. Его почти пионерская работа обещает дальнейших исследователей к лучшей трактовке данной темы, и вопрос, наконец, выйдет из любительско-обывательских подходов к китайскому даосскому тексту и его спутанным, то шаблонным, то совершенно экстраординарным традициям.

Второй курс проф. Масперо «Шудзин и Цзо чжуань» (критическое исследование) касается, вероятно, проблем, только что мастерски затронутых, обрисованных и отчасти решенных профессором Пеллио в его сравнительно недавней работе о Шуджине. Соединение двух, казалось бы, столь разных классических традиций, как Шуджин-античная книга доконфуцианского предания и Цзо чжуань, — объяснительный, сопроводительный текст к «Летописи» Конфуция

(Чушью), касающейся всего на всего двухсотлетнего периода, имеет, очевидно, большие внутренние основания, которые точно характеризованы, исходя из одного заглавия курса, быть не могут, но, повидимому, касаются критического исследования проблемы, поставленной еще покойным проф. Шаванном, о происхождении «речей» в повествовательном китайском тексте, предшествующем «историям» типа Шидзи, Сыма Цяня.

Наши гадательные предположения, надо надеяться, точно так же найдут себе разъяснение в печатной обработке университетского курса, который в Коллаж де Франс, как известно, лишен учебного значения, ибо рассчитан не на ученика, а на ученого, и потому, его печатная обработка обыкновенно тесно сопряжена с предварительным наброском лекционного материала.

На Faculté des Lettres Парижского Университета читает лекции по кафедре «Китайской цивилизации» также ученик покойного профессора Шаванна, — Гранэ (Granet), известный своими исследованиями в области древнего китайского фольклора и ритуала. Этот молодой ученый читал в истекшем году публичные лекции под общим заглавием: «Очерк истории китайской цивилизации» и вел занятия со всеми желающими по изучению китайских древних текстов, относящихся к культуре предков. Наконец, исключительно учебный характер имели объявленные им «упражнения в переводе и практические занятия».

Исследовательскую область занятий пр. Гранэ представляют его курсы в «Практической Школе Высших Наук», — учреждении, играющем роль чего-то среднего между высоко-академическим отвлечением от программ Коллаж де Франс и программным изучением китайской культуры на гуманитарном факультете. Здесь Гранэ читал в истекшем году курс лекций о «Трауре в древнем Китае» с текстами, сюда относящимися. Таким образом, ученик непосредственно продолжает здесь традицию своего великого предшественника и учителя проф. Шаванна, которому, между прочим, было трудно отвлекаться от академизма, и его лекции в этой Школе Высших Знаний мало чем отличались от его же лекций в Коллаж де Франс.

Новостью для пишущего эти строки (хотя, вполне возможно, несколько запоздало) является сообщение вышеупомянутого справочника о том, что в парижском университете можно получить законченное восточное образование с дипломом (licencié) в области китаеведения. Это, повидимому, лишь исключение, ибо о других восточных областях, кроме «китайской цивилизации», упомянутый нет. Здесь сказала, надо полагать, энергичная деятельность вышеупомянутых китаеведов, которые

своим преподаванием могут действительно ввести учащегося в миропонимание Китая и в технику научной обработки китайских текстов. Сбывается мечта покойного учителя профессоров: Пэлло, Масперо, Гранэ, — проф. Шаванна, который был неудовлетворен сборной и часто случайной аудиторией Коллаж де Франс и жаждал аудитории, получающей у него систематическое образование университетского типа.

Требования к желающему получить университетский диплом со специальностью китаеведа, помимо общеуниверситетских, еще следующие.

Во-первых, сочинение на тему из китайской истории. Этот выбор общеобразовательной области знания очень характерен для парижских синологов школы Шаванна, основанной на историологии.

Во-вторых, перевод с лингвистическим и историческим комментарием какого-либо места из китайских классиков. Здесь интересно знать, что подразумевается под словом «лингвистический». Если это точное употребление слова и если от учащегося требуется дать отчет о лингвистической картине языка древних текстов, то прогресс китаеведения слишком очевиден, ибо учащийся этим порядком требований окончательно извлекается из словесной путаницы и приобщается к задачам и терминологии современной китаистики. Экскурсы в области лингвистики делал еще покойный проф. Шаванн, и это действовало на аудиторию освежающе.

Лекции же его учеников, проф. Пелло и Масперо, засвидетельствовавших в своих печатных трудах недюжинные лингвистические достижения, очевидно, создают уже определенно выраженную школу, и к учащемуся могут быть уже предъявлены считавшиеся еще недавно немислимыми определенные требования.

Следует отметить вполне рациональную постановку испытаний, при которой кандидаты могут пользоваться чисто китайским словарем.

«Livret de l'étudiant», из которого записываются все эти сведения, сообщает о существовании особого Института Китаеведения, не давая, к сожалению, никаких о нем дальнейших сведений. А между тем, нормальная постановка дела изучения китайской культуры на университетской почве возможна лишь при существовании особой, так сказать, филологической лаборатории, состоящей из библиотек, справочных пособий, демонстрационных образцов и препаратов и т. п., чего в то время, когда в Париже учился пишущий эти строки, не было, так что приехавший из Петрограда попадал в более невыгодную для него обстановку, чем у себя на родине, если, конечно, не считать тех курсов, ради которых он приезжал. Молчание справочника об этом

важнейшем предмете является особенно досадным.

Таким образом, перед нами развертывается картина, ясно свидетельствующая о первоклассном состоянии китаеведной науки в Париже, которая теперь вербует своих прозелитов уже не только из заинтересовавшихся Китаем путем путешествий и других специальных возможностей, но и прямым путем университетского образования, наряду с другими филологическими дисциплинами. Прекращается эпоха писателей с мест; миссионеров, изучавших Китай с целью учить его; консулов, изучавших Китай на досуге от деловых занятий, и других любителей, хотя и дававших от времени до времени ценных деятелей (Legge, Watters). Начинается эпоха настоящей науки третий уже раз, после миссионеров и профессоров Ремаюза и Жюльена, основываемой французами, ибо, несомненно, что Шавана, а за ним Пэллио, Масперо, Гранэ, создают ныне впервые отчетливо понимаемую и отчетливо обязательную науку китаеведной филологии.

Остается еще упомянуть о практическом преподавании китайского языка в живущей второе столетие Национальной Школе Живых Восточных Языков (Ecole Nationale des Langues Orientales Vivantes). Опытный, один из самых опытных когда-либо существовавших, преподаватель китайского языка (из бывших консулов) проф. Виссэ, при помощи своих четко выработанных курсов и учебников, а также при помощи туземца, вероятно, достигают попрежнему прекрасных результатов, вырабатывая при ничтожном количестве недельных часов, в течение трех лет очень серьезных знатоков китайского языка. Недостаточность практического преподавания скрывает сам проф. Виссэ, вводящий в свои учебники образцы высоко художественной китайской прозы (например, прозу Хань Юя, IX в. по Р. Хр.). Кроме того, наиболее серьезные и любознательные из учеников Школы, вероятно, попрежнему являются основным ядром аудитории чисто академического Коллеж де Франс.

В. Алексеев.

Арабская академия в Дамаске и ее члены.

Одним из интересных признаков прогресса культурной жизни в арабских странах является возникновение арабской академии в Дамаске. Одинаково интересен и самый факт и место его осуществления — и то, и другое по своему значению выходит далеко за пределы специалистов в узком смысле.

Знакомым с жизнью арабских стран до войны было известно, что идея академии не нова. Одним из сильных пропагандистов ее являлся умерший в 1914 году Ж. Зейдан,

редактор известного во всем мусульманском мире журнала «аль-Хияль» (Новолунье), популярный романист и историк. Основной задачей этой академии, по его идее, должно было явиться составление полного словаря арабского языка и свод материалов для истории арабской литературы, если самое составление ее по научным соображениям окажется теперь еще преждевременным и невыполнимым. Правильный подход к решению первой задачи обещал осветить жизненный для всех арабских стран вопрос об отношении современного литературного языка к классическому и разговорному, о возможности поднятия одного из современных диалектов до степени общего для всех литературного, взамен поддерживаемого теперь в этой роли мертвого классического и т. д. Разработка всех этих вопросов, вероятно, помогла бы арабскому языку выйти из того тупика, в котором он находится: боязнь национального разъединения препятствует сознательным умам отказываться от устаревших норм классического языка, хотя он непонятен без долгой школьной выучки. Переход к какому-нибудь разговорному диалекту, как литературному орудию, повлек бы распадении арабских стран на ряд отдельных областей с непонятными друг для друга языками. Теперь же они объединяются единым литературным языком, хотя и одинаково для всех условным. История арабской литературы, являвшаяся, по мысли Зейдана, второй задачей академии, до сих пор не существует, как это ни странно, на арабском языке — европейские ориенталисты в этом отношении опередили арабов. Общую схему с своей точки зрения наметил сам Зейдан в 4-х томной работе, последнем труде его жизни, законченном в 1914 году.

Известие об основании академии в Дамаске, а не в Каире, где за последние десятилетия особенно интенсивно развивалась арабская литература и наука, заставило друзей арабского народа несколько смутиться. Можно было опасаться, что местный провинциальный патриотизм воспользуется большим политическим разъединением, которое создалось теперь между двумя основными очагами современной арабской культуры — Сирией и Египтом, и вызовет едва ли полезное для общего дела соперничество. По счастью, список членов-основателей новой академии показал, что хотя центром ее является Дамаск, по своей идее она охватывает все арабские страны. Задачи ее в значительной мере шире и несколько более расплывчаты, чем та схема, которую рисовал Зейдан. К сожалению, обо всем этом приходится судить не на основании трудов академии, которая успела уже выпустить несколько томов своих изданий, а по сведениям из вторых и третьих рук, главным образом, в специальных зарубежных журналах.